

Савина А. Г. Чистые линии (В. И. Вернадский о Н. И. Вавилове) // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 7–45.

Сайфуллин Р. Г., Прянишников А. И., Свистунов Ю. С. Мейстер Георгий Карлович (1873–1938) // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2013. Т. 17. № 2. С. 368–373.

Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности, 1837–1912 гг. Пг.: Канцелярия ГУЗиЗ, 1914. 397 с.

Сельскохозяйственный ученый комитет: Краткий очерк его деятельности и задач. М.; Пг.; Киев: Изд. отдел НКЗ, 1919. 63 с.

Состав секций Академии с.-х. наук имени В. И. Ленина. М.; Л.: Изд-во ВАСХНИЛ, 1935. 26 с.
Стрекопытов С. П. История научно-технических учреждений в России (вторая половина XIX–XX вв.): Учебное пособие. М.: РГГУ, 2002. 425 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. 1927–1939. В 5 тт. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999. 880 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. 1927–1939. В 5 тт. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. М.: РОССПЭН, 2004. 648 с.

Труды Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований (Ленинград, 25–29 июня 1932 г.). Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 245 с.

Шенелев Л. Е., Егоров В. С. Заслуженный деятель науки РСФСР Владимир Иванович Ковалевский // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 1975. Т. 54. Вып. 1. С. 268–274.

Юхнев П. Сводный план растениеводства СССР на 1932 год // Социалистическое растениеводство. 1932. Серия А. № 1. С. 106.

Kolchinsky E. I. Nikolai Vavilov in the years of Stalin's 'Revolution from Above' (1929–1932) // Centaurus. 2014. Vol. 56. № 4. P. 330–358.

Tauger M. Grain crisis or famine? The Ukrainian state commission for aid to crop-failure victims and the Ukrainian famine of 1928–1929 // Provincial Landscapes. Local dimensions of Soviet power, 1917–1953. 2001. P. 146–170.

Tauger M. Stalin, Soviet agriculture and Collectivisation // Food and Conflict in Europe in the Age of Two World Wars (eds. F. Trentmann, F. Just). Houndmills, Basingstoke, New York, 2006. P. 109–142.

Notes Related to the Failed Anniversary of the Russian Academy of Agricultural Sciences (VASKhNIL)

NIKOLAY P. GONCHAROV

Institute of Cytology and Genetics of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences;
Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia; gonch@bionet.nsc.ru

The paper reconstructs the organizational history (1917–1929) and formation of the headquarters of the Russian agricultural sciences, namely the Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences (nowadays Russian Academy of Agricultural Sciences) in connection with the reorganization of Russian academic science (RAS). The Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences was absorbed by the Russian Academy of Sciences three months before it would have celebrated its 85th anniversary. The paper describes the key players and authorities who played an active role in the establishment of the VASKhNIL. There was a close continuity between the Bureau of the Scientific Committee of the Ministry of Agriculture of Imperial Russia and the Research Institutes of the Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences. The authors discuss the organizational activities of the first presidents of VASKhNIL and their participation in formation of the structure and subject matters of academic institutions.

Keywords: Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences, Russian Academy of Agricultural Sciences, agricultural science in Russia, Nikolay Vavilov.

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

Мои воспоминания (об орнитологе Е. В. Козловой и других)

Р. Л. ПОТАПОВ

Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; roald.potapov@gmail.com

Статья содержит воспоминания автора о Елизавете Владимировне Козловой от первой встречи с ней в 1949 г. (в бытность автора ещё школьником), во время работы в Зоологическом институте АН СССР, с 1958 г., и до кончины Е. В. Козловой в 1975 г. Рассказывается об увлечённой работе Е. В. Козловой по изучению региональных орнитофаун птиц, особенно Центральной Азии, о её важной стабилизирующей роли в коллективе лаборатории и о плодотворных контактах с известными зарубежными орнитологами Э. Майром, Э. Штреземанном и Ч. Вори. Подчёркивается выдающаяся роль Е. В. Козловой в изучении птиц Центральной Азии.

Ключевые слова: мемуары, Е. В. Козлова, Отделение орнитологии Зоологического института АН СССР, П. П. Сушкин, П. К. Козлов, Л. А. Портенко, орнитофауна Центральной Азии.

Несмотря на многие десятки лет после тех событий, о которых я хочу рассказать, все они до сих пор стоят перед моими глазами, как будто это было вчера. И все они неразрывно связаны с Зоологическим институтом Российской академии наук и его Зоологическим музеем. Для автора этих строк всё началось ещё в его школьные годы, когда он глубоко увлёкся орнитологией — изучением жизни окружающего нас мира птиц.

Весной 1949 г., будучи учениками 9-го класса, я и мой друг, также ярый орнитолог, Владимир Зархидзе, посетили Зоологический институт Академии наук СССР для консультации с известным советским орнитологом Л. А. Портенко¹. В институте шёл ремонт лабораторного этажа, и часть лабораторий на это время разместили между витринами музея, который пришлось ненадолго закрыть. Мы сидели у стола Л. А. Портенко, показывая сделанные нами тушки мелких птиц и свои дневники, а он нас и хвалил, и критиковал, но всё по-доброму, стараясь не гасить наш энтузиазм. Именно в это время мимо прошествовала, слегка опираясь на трость, высокая седая дама. Она кивнула нам всем и, обменявшись с Леонидом Александровичем приветственными

¹Леонид Александрович Портенко (1896–1972) — орнитолог, сотрудник Лаборатории орнитологии ЗИН АН СССР, автор крупных монографий по птицам Арктики.

репликами, спокойно пошла дальше. От всего её облика исходило глубокое достоинство, спокойствие и доброжелательность.

Мы с Володей примолкли, наблюдая за происходящим, а потом осторожно спросили:

— Леонид Александрович, а кто это?

— Как? — слегка удивился нашему любопытству Леонид Александрович. — Так ведь это Елизавета Владимировна, вдова нашего знаменитого путешественника Козлова², любимого ученика Пржевальского! Надеюсь, вы знаете, кто такой Пржевальский?

— Ну, как же, — воскликнули мы с оживлением, — кто же его не знает! Но это же было так давно!

— Да, конечно, — согласился Леонид Александрович, — встретить сейчас человека, общавшегося с Николаем Михайловичем Пржевальским, невозможно! Ведь он трагически скончался на пороге своей последней экспедиции в 1888 г., в кругу своих учеников и соратников. А среди них был и Пётр Кузьмич Козлов, которому тогда было всего 25 лет. А что до его жены, которую вы только что видели, то родилась она спустя 4 года после смерти Пржевальского, а когда встретила с Петром Кузьмичом, то ей было всего 24 года, а Петру Кузьмичу — 49 лет! Ничего удивительного!

И нам оставалось только подивиться, как легко, хоть и слегка хромя, с каким достоинством и спокойствием двигалась эта немолодая уже женщина в свои 56 лет!

В следующий раз я встретился с Елизаветой Владимировной лишь через 7 лет. К этому времени я окончил десятилетку — 222-ю школу, знаменитую в прошлом «Петришуле», первую школу, основанную Петром Первым в Санкт-Петербурге, которую, как я позднее узнал, оканчивал и академик Ф. Э. Плеске³, второй директор Зоологического музея, лично обрабатывавший коллекционные сборы Пржевальского. Поступив затем на биофак Ленинградского государственного университета, на кафедре зоологии позвоночных, которой руководил тогда замечательный орнитолог А. С. Мальчевский⁴, я под его руководством прошёл отличную школу полевых исследований, успешно защитив диплом по птицам Карельского перешейка. Но в процессе университетского курса в библиотеке моего отца, известного востоковеда, я натолкнулся на первые (старые) издания трудов Н. М. Пржевальского и... навечно заболел Центральной Азией, рисовавшейся мне совершенно фантастической страной.

После прочтения таких его книг, как «Монголия и страна Тангутов», мне стало ясно, что после Карельского перешейка надо переключаться на изучение фауны птиц Центральной Азии. Весь вопрос заключался в том, как туда попасть. Из географических карт я понял, что в пределах СССР существовала только одна территория, безусловно входящая в пределы Центральной Азии. Это Памирское нагорье в Таджикистане, нагорное плато, поднятое на высоту 4000 м над уровнем моря и окружённое высоченными хребтами от 6000 м и выше. Это нагорье уже давно заслужило репутацию «Тибет в миниатюре» (Потапов, 1970).

Попасть туда оказалось несложно. На Памире располагалась Памирская биостанция, активно работавшая с момента её создания в 1937 г. под патронажем Бота-

² Пётр Кузьмич Козлов (1863–1935) — исследователь Центральной Азии, сподвижник Н. М. Пржевальского.

³ Фёдор Дмитриевич Плеске (1858–1932) — зоолог, орнитолог, специалист по двукрылым, член имп. Академии наук в Санкт-Петербурге (1893), работал в Зоологическом музее в 1883–1896 и 1918–1932 гг.

⁴ Алексей Сергеевич Мальчевский (1915–1985) — орнитолог, глава кафедры зоологии позвоночных Ленинградского государственного университета, подготовил десятки орнитологов.

нического института АН СССР (увы, её уже давно не существует). Директором этой станции был известный ботаник, профессор К. В. Станюкович⁵, зимовавший обычно в Ленинграде, и мне повезло при встрече объяснить ему свои интересы. Я тут же получил от него не только полное одобрение, но и наставника моих дальнейших там работ — известного геоботаника Л. Ф. Сидорова⁶. Благодаря активному содействию К. В. Станюковича, я получил возможность досрочно сдать экзамены и пройти практику второго курса на Памирской биостанции.

До отъезда туда мне удалось в апреле 1954 г., преодолев свою робость, посетить Е. В. Козлову, у которой я после кучи извинений осмелился спросить, что она бы посоветовала мне в этот первый визит в Высокую Центральную Азию, на что обращать особое внимание. Мой визит к Елизавете Владимировне был вызван тем, что за год до этого, в 1952 г., вышел её замечательный труд «Авифауна Тибетского нагорья, её родственные связи и история» (Козлова, 1952), где подытоживались как все результаты знаменитых тибетских экспедиций российских (да и не только российских) исследователей, так и результаты обработки собранных ими обширных коллекций. Для меня эта публикация сразу же стала главной, резко расширившей мой теоретический горизонт. Ведь до Тибета с Памирского нагорья можно добраться, ни разу не спустившись ниже 4000 м над уровнем моря.

Елизавета Владимировна, слегка озадаченная целью моего визита, порылась в своих заметках и сразу же сказала, что всё, что я там смогу пронаблюдать и документально подтвердить, будет почти на сто процентов новым в жизни высокогорных птиц. Она посоветовала мне обращать особое внимание на высоты над уровнем моря, предпочитаемые тем или иным видом, и собирать как можно больше сведений о размножении гнездящихся там видов, об их сроках, особенно у наиболее типичных высокогорных видов.

Начиная с этой моей первой поездки и вплоть до 1962 г. (это был последний, 6-й памирский сезон), я постоянно имел прекрасную возможность обсуждать буквально все результаты своих наблюдений с Е. В. Козловой. Эти беседы предостерегали меня от скороспелых выводов, ибо основной поучительной заповедью Е. В. при любом выводе было не только знаменитое «семь раз отмерь — один отрежь», но главным образом — находить каузальность возникновения и существования той или иной особенности. Иными словами — Е. В. учила меня мыслить как естествоиспытателя! Эти беседы, чрезвычайно для меня важные, побуждали постоянно искать во всех особенностях причины их возникновения.

Я помню также, как уже после первой поездки на Памирское нагорье рассказывал Елизавете Владимировне о своих наблюдениях, показывал тушки добытых птиц, найденные гнёзда и сетовал на то, что мне никак не удавалось найти гнёзда одной из самых обычных и многочисленных высокогорных птиц Памира — жемчужного вьюрка. Елизавета Владимировна, самым внимательным образом выслушивая мои рассказы, утешала меня тем, что я ещё смогу найти гнёзда этих птиц, а выясненный мной факт, что они не гнездятся ниже 4400 м над уровнем моря и не приступают к гнездованию ранее июля, уже очень важен и облегчит дальнейшие поиски.

⁵ Кирилл Владимирович Станюкович (1911–1986) — геоботаник и географ, член-корреспондент АН Таджикской ССР, специалист по растительности высокогорий, сотрудник (1946–1951) и директор (1951–1956) Памирской биостанции в посёлке Чичекты.

⁶ Леонид Фёдорович Сидоров (1924–1978) — геоботаник, сотрудник Памирской биостанции (1952–1959), специалист по высокогорным лугам и пастбищам.

Но до окончания мною университета о Памире на время пришлось забыть. Надо было делать дипломную работу, темой которой стала фауна птиц Карельского перешейка, где наблюдения и сборы орнитологического материала я начал, ещё будучи учеником 7-го класса. Мне удалось за оставшееся время, как зимой, так и летом, собрать достаточно материалов и, что особенно важно, познакомиться с работами по этому району финских орнитологов. Работа получилась настолько полной, что мой руководитель А. С. Мальчевский так оценил её при рассмотрении студенческих дипломных работ на кафедре зоологии позвоночных: «Ещё немного — и это будет вполне полноценная кандидатская диссертация».

Но при начавшемся, как всегда тяжёлом и драматическом, процессе распределения выпускников места для меня в Ленинграде не оказалось, грозило распределение в учителя. При всём моём глубочайшем уважении к этой профессии я совершенно не был готов к педагогической деятельности и пребывал в полной растерянности — что делать? Спас же меня опять К. В. Станюкович, давший приглашение на работу на Памирскую биостанцию, честно предупредив, что он не может поручиться за дальнейший ход событий. И я вновь устремился на свой любимый Памир.

Мой летне-осенний сезон 1956 г. прошёл успешно, удалось даже пронаблюдать в полном объёме пролёт птиц на Памире, о чём до сих пор данных почти не было. Ещё раз убедившись, что высокогорья, по крайней мере Памирское, не представляют для мигрирующих птиц особых препятствий, я должен был срочно решать уже свою проблему с трудоустройством. Вакансий на работу на Памирской биостанции не появилось, и я спустился вниз, в равнинный Таджикистан, в его столицу Душанбе (тогдашний Сталинабад). Там, в Институте зоологии Академии наук Таджикской ССР имени академика Е. Н. Павловского⁷, мне нашлось место младшего научного сотрудника в заповеднике «Тигровая Балка», принадлежавшем этому институту и находившемся в 200 км южнее, на государственной границе с Афганистаном.

Так начался трёхлетний «Тигровый период» в моей жизни. Различия между джунглями и песчаными пустынями по берегам Аму-Дарьи и Вахша под палящим солнцем 37° с.ш. представляли собой разительный контраст с ледяными высотами памирских высокогорий, не говоря уже о массе совершенно новых для меня птиц. Но тем было интереснее. Да и тематика моей новой работы не давала скучать. Её название «Искусственное разведение нутрии на водоёмах Таджикской ССР» было для меня совершенно неожиданным, но всё же я с ней справился.

Время шло, и в первый же свой очередной отпуск в 1958 г. в Ленинграде я встретился с Елизаветой Владимировной и поведал ей о своих приключениях. Я был уверен, что она заинтересуется моим новым местом, поскольку во время Великой Отечественной войны, когда сотрудники Зоологического института АН СССР из осаждённого Ленинграда были эвакуированы в Сталинабад, Елизавета Владимировна работала в «Тигровой Балке». Там она вместе со своим коллегой, крупным российским орнитологом Аркадием Яковлевичем Тугариновым⁸, изучала таджикского фазана, которым, в том числе, должен был заниматься и я.

⁷ Академик Евгений Никанорович Павловский (1884–1965) — зоолог, паразитолог, организатор науки. В 1937–1941 гг. — директор Таджикской базы АН СССР, впоследствии ставшей Таджикским филиалом АН СССР. В 1942–1962 гг. — директор ЗИН.

⁸ Аркадий Яковлевич Тугаринов (1880–1948) — специалист по авифауне Сибири и палеорнитологии; руководил Отделением орнитологии ЗИН в 1940–1948 гг.

Действительно, к моей работе в «Тигровой Балке» Елизавета Владимировна проявила самый живой интерес. Она подробно расспрашивала о состоянии различных мест заповедника, прекрасно ей знакомых, о тамошнем житье-бытье, с интересом рассматривала мои фотографии тугаёв, различных озёр, которые она всё помнила, а вдобавок рассказывала некоторые подробности о работе по одомашниванию местного фазана, с которым весьма основательно работал и я. Правда, мне не пришлось сделать попыток содержания его в неволе, что удалось сделать Елизавете Владимировне вместе с А. Я. Тугариновым.

Помимо фазанов, она интересовалась многими другими видами, особенно хищными птицами. Я знал, что в то время Елизавета Владимировна работала над новой монографией, посвящённой птицам степей и пустынь Центральной Азии, а кроме того, собирала материалы об эволюционном расселении фазанов с места их исторической родины — Юго-Восточной Азии. И в этом отношении я постарался быть для неё как можно более полезным.

В беседе со мной, видя некоторую мою подавленность весьма бесперспективной работой в «Тигровой Балке», она посмеялась над моими сомнениями, ещё раз напомнив, что я стою только в самом начале своего творческого пути, что впереди ещё неведомые нам горизонты, и вновь призвала к максимальному использованию любой возможности, которую даёт натуралисту работа в природе, какой бы характер эта природа ни носила. Тогда эта непродолжительная беседа с Елизаветой Владимировной вдохнула в меня новые силы и оптимизм. Потом, неоднократно вспоминая тот разговор, я не переставал восхищаться её невероятной способностью духовно поддерживать людей, стоящих на правильном пути. А реальная возможность оценки правильности пути того или иного исследователя у Елизаветы Владимировны была очень велика — её яркая биография даёт этому вполне реальное объяснение.

Во время этого «Тигрового периода» в моей жизни мне выпал ещё один шанс выбраться на Памир. Помогла анекдотическая история с поисками «снежного человека». О ней рассказано так много, что об этом лишне и вспоминать. Мне это дало редкую возможность познакомиться с ещё одним районом, расположенном на границах Передней и Центральной Азии, с одним из самых труднодоступных мест Бадахшана — каньоном Сарезского озера (Потапов, 1970). Меня пригласил участвовать в этой работе сам К. В. Станюкович, возглавивший экспедицию «за снежным человеком». С максимальной скоростью, получив командировку, я добрался до Памирской биостанции, откуда и начинались все поисковые маршруты. Несмотря на отрицательные результаты главной цели этой экспедиции, мне удалось получить массу интереснейшего материала по птицам труднодоступного и совершенно не изученного в орнитологическом отношении района Сарезского озера площадью примерно в 80 кв. км.

Я рассказал Елизавете Владимировне при следующей встрече все подробности экспедиции, которой она очень интересовалась. Из нашей беседы я понял, что давно, десятки лет назад, она уже слышала о необычных диких людях в безлюдных и малоизвестных горах от монгольских коллег. При этом общий юмор последних был весьма умерен — уж очень уверенно известные и глубокоуважаемые старики (которых, кстати, в Монголии весьма чтят) говорили об этом как о вполне общеизвестном факте. В общем, к какому-то определённым выводам мы тогда не пришли, но полностью объявлять это бредом тоже не стали. Тогда я впервые, и именно от Елизаветы Владимировны, услышал о необычном приключении унтер-офицера Егорова, одного из членов отряда Н. М. Пржевальского в его третьем центральноазиатском путешествии в 1879 г.

Во время стоянки экспедиции в предгорьях хребта Гумбольдта Егоров отправился на охоту в окружающие совершенно необитаемые горы, заблудился там и целую неделю, терпя невыносимые лишения, пытался найти своих товарищей (дело было поздней осенью на высотах выше 3000 м над уровнем моря). Члены экспедиции, со своей стороны, тоже вели всё это время тщательные поиски пропавшего товарища. В конце концов, полагая, что по прошествии такого времени (7 дней), без тепла и еды, он наверняка погиб, они решили продолжить свой путь. Но когда экспедиция в тяжёлом подавленном настроении двинулась дальше, свершилось настоящее чудо — едва двигавшийся на спуске с крутого склона Егоров был замечен идущим караваном и спасён.

По рассказам самого Егорова, он проявил максимум изобретательности, а опыт выживания в суровых условиях, полученный в экспедиции, помог ему не только выжить, но даже выйти на путь каравана, который он не знал и знать не мог. Его рассказы оказались настолько впечатлительны, что были частично записаны и самим Пржевальским (Пржевальский, 1883), но за исключением одной серьёзной детали. Егоров рассказал, что встретил в этих трудно проходимых и безлюдных горах диких людей, обросших густой шерстью, без всяких признаков какой-либо одежды. Почему Н. М. Пржевальский нигде не упомянул об этом в подробных описаниях своих экспедиций, неясно. Но все его соратники об этом знали. Слышал об этом, как говорила Елизавета Владимировна, и П. К. Козлов, о чём и поведал, как о факте загадочном и необъяснимом, своей супруге. Так что Елизавета Владимировна уже давно знала о вещах подобного рода, задолго до шумихи о «снежном человеке». И я вполне согласился с ней, что Н. М. Пржевальский просто не мог опубликовать такое сенсационное сообщение Егорова, не имея никаких других доказательств. А рассказы погибавшего в горах от голода, холода, страха и безвыходности человека могли тогда быть вполне сочтены за галлюцинации, учитывая его состояние.

Но я возвращаюсь к своему «Тигровому периоду». Шёл третий год моей здесь работы, а обстановка вокруг моей персоны всё накалялась. Дело в том, что я был единственным научным сотрудником заповедника, а основные охраняемые функции лежали на его директоре (бывшем завхозе Института зоологии и паразитологии им. акад. Е. Н. Павловского АН Таджикской ССР). Он должен был контролировать всех штатных сотрудников заповедника, каждый из которых имел свой персональный кордон. Других штатных должностей здесь не было до самого моего появления, вернее должности были, но не было желающих. Всё это я сообщаю для понимания того, в какой ситуации на самой окраине советского Таджикистана оказывались в те времена самые различные заповедники. Там была налажена охрана всех природных комплексов, и прежде всего фауны. А ведь охраняемая фауна — это все знаменитые охотничьи животные — олени, лоси, медведи, антилопы и т.д. Но если вы областной или даже районный большой начальник, то кто же вам помешает встать выше запретов для простых смертных?

Когда я беседовал на эту горькую тему с Елизаветой Владимировной, она, как старый российский интеллигент, прекрасно знающий последние этапы истории Государства Российского, спросила меня: «А что вы знаете о царских охотах?». Тут я встрепенулся, поскольку при изучении своих, в общем-то охотничьих, объектов, постоянно наталкивался на литературные источники, так или иначе связанные с историей, существованием и даже с большими достижениями в области охраны животного мира и природы благодаря императорским заповедным охотничьим угодьям. Вот всё и идёт оттуда, объяснила Елизавета Владимировна, но ведь тогда эти хозяйства и существовали без «фиговых листочков» охраны природы, они объявлялись именно государе-

выми угодьями и содержались за счёт государственной казны. А сейчас каждый крупный функционер становится (речь идёт о 1970–1980-х гг.) таким вот владыкой.

Действительно, регулярная охота в заповедниках СССР лиц из высокого начальства становилась с каждым годом всё более частым явлением. Мне же то и дело приходилось вмешиваться в визиты пьяных компаний и по мере сил их прекращать. Как правило, моего авторитета в таких случаях бывало достаточно, и даже объездчики на своих кордонах часто меня благодарили за помощь. Моя же деятельность борца в одиночку с этими безобразиями настолько осложняла научную работу, что это всерьёз стало создавать угрозу для моего здоровья и даже жизни.

И тут в разгар этой тревожной обстановки я получаю очередное письмо от заведовавшего тогда Отделением орнитологии ЗИН АН СССР А. И. Иванова⁹, с которым поддерживал регулярную переписку. Он сообщал о появлении у них вакансии в аспирантуру и предлагал мне срочно подавать заявление. Я быстро собрался и без промедлений устремился в Ленинград, причём никто из местного окружения не верил моим объяснениям, считая, что я просто был уволен в связи с постоянными конфликтами с чиновными браконьерами.

Приёмные экзамены в аспирантуру института были очень строги и требовали основательной подготовки. Экзамен мне удалось сдать успешно, и осенью 1959 г. я был принят в аспирантуру, получив прекрасную возможность совершенствовать свой профессионализм. Ведь я оказался среди самых видных орнитологов того времени, которых 25 лет назад собирал П. П. Сушкин¹⁰, а именно: А. И. Иванова, Е. В. Козлову, Л. А. Портенко, П. В. Серебровского¹¹, А. Я. Тугаринова, Б. К. Штегмана¹² и Л. М. Шульпина¹³, ставших цветом российской орнитологии. Конечно, некоторых из них к концу 1950-х годов уже не было в живых. Скончались А. Я. Тугаринов и Л. М. Шульпин, сильно состарился П. В. Серебровский...

Ещё один орнитолог, Б. К. Штегман, отсидевший после ареста какое-то время в известной ленинградской тюрьме «Кресты», потом как немец по национальности (Великая Отечественная война уже началась) был выслан из Ленинграда в Алма-Ату. Там он пережил войну в глухих тростниковых зарослях озера Балхаш, как сотрудник заготпункта по разведению и добыче ондатры. После окончания войны Штегман вернулся в Ленинград, будучи уверенным, что снова займёт своё достойное место в рядах орнитологов Зоологического института АН СССР. Но, увы, клеймо бывшего

⁹ Александр Иванович Иванов (1902–1987) — орнитолог, автор многочисленных публикаций по птицам Средней Азии, в том числе монографии «Птицы Памиро-Алая»; заведовал Отделением орнитологии Зоологического института АН СССР в 1949–1969 гг.

¹⁰ Пётр Петрович Сушкин (1868–1928) — орнитолог, зоогеограф, палеонтолог; создал Отделение орнитологии в Зоологическом музее Академии наук в 1920 г. и руководил им до своей смерти.

¹¹ Профессор Павел Викторович Серебровский (1888–1942) — глава Отделения орнитологии ЗИН АН СССР (1928–1940); автор ряда работ по ископаемым птицам.

¹² Борис Карлович Штегман (1898–1975) — орнитолог и зоогеограф, автор многочисленных статей и монографий; одна из них «Основы орнитогеографического деления Палеарктики» принесла ему международную известность. Был сотрудником Отделения орнитологии Зоологического музея / ЗИН в 1921–1938 гг.

¹³ Леонид Михайлович Шульпин (1905–1942) — орнитолог, ученик П. П. Сушкина, аспирант Зоологического музея / ЗИН (1929–1932), автор первого в нашей стране учебника по орнитологии (1940). Погиб на фронте.

репрессированного даже при остром в то время голоде на высококвалифицированные кадры сыграло свою роль. Он получил отказ под предлогом отсутствия вакансий, причём этот отказ был дан тогдашним директором академиком Е. Н. Павловским.

Б. К. Штегману неожиданно помог знаменитый полярник И. Д. Папанин¹⁴, прославившийся героическим дрейфом до Северного полюса на льдине со своими соратниками. В 1951 г. он возглавил Отдел морских экспедиционных работ в Президиуме АН СССР, а с 1956 г. одновременно был назначен директором Института биологии внутренних вод АН СССР в посёлке Борок Ярославской области, расположенном на берегу Рыбинского водохранилища.

И. Д. Папанин сразу же стал привлекать многих известных гидробиологов, но не только их, но и тех, кто мог организовывать издательские дела. И когда ему был представлен Б. К. Штегман, тот был немедленно взят в качестве главного редактора изданий института. С тех пор Борис Карлович, прекрасно, как первоклассный учёный, справляясь со всеми проблемами издательской деятельности, как главный редактор смог, как это ни парадоксально, продолжать свои орнитологические исследования, не потеряв при этом мощную коллекционную базу — коллекции Отделения орнитологии ЗИН АН СССР.

Дело в том, что по роду своей должности он должен был проводить все зимы в Ленинграде, в академическом издательстве, в хлопотах по многочисленным издательским делам. При этом львиную долю своего времени Б. К. Штегман мог проводить в Отделении орнитологии, занимаясь исследовательской работой и встречая здесь полное радушие и поддержку институтских орнитологов. Мне повезло в это время часто и долго общаться с Борисом Карловичем, в основном по разным орнитологическим вопросам, и никогда, подчеркиваю — никогда, я не встречал от него ни сетований на злую судьбу и подлых доносчиков, ни пренебрежения по отношению к коллегам. Мне самому, тогда молодому специалисту в Отделении, в частности моим исследованиям тетеревиных птиц, он всегда оказывал постоянное дружеское внимание.

Но вернёмся к временам моего приёма в аспирантуру. Кроме славных корифеев сушкинского призыва, в составе Отделения орнитологии (в составе Лаборатории герпетологии и орнитологии ЗИН АН СССР) появились и новые сотрудники, либо уже успевшие пройти порог кандидата наук, либо ещё готовившиеся к его преодолению, — питомцы великолепной кафедры зоологии позвоночных ЛГУ, которую посчастливилось закончить и мне, — И. А. Нейфельдт¹⁵ и Б. В. Некрасов¹⁶, а также ещё ранее приглашённый из Иркутска орнитолог К. А. Юдин¹⁷.

Вообще в коллективе Отделения орнитологии, где работали как яркие представители этой науки, так и только что вступившие на этот путь молодые исследователи, ситуация всегда была достаточно тяжёлой, причём главным образом из-за ярких

¹⁴ Иван Дмитриевич Папанин (1894–1986) — полярный исследователь, контр-адмирал, дважды Герой Советского Союза; возглавлял первую дрейфующую станцию «СП-1» (1937–1938), начальник Главсевморпути (1939–1946).

¹⁵ Ирэна Анатольевна Нейфельдт (род. 1929) — сотрудник Отделения орнитологии ЗИН в 1953–1987 гг.

¹⁶ Борис Владимирович Некрасов (1929–2012) — орнитолог, специалист по выюрковым птицам, аспирант (1952–1955) и сотрудник Отделения орнитологии ЗИН (1967–1976).

¹⁷ Константин Алексеевич Юдин (1912–1980) — орнитолог, специалист по систематике и морфологии птиц, заведующий Отделением орнитологии и Лабораторией орнитологии и герпетологии ЗИН (1969–1976).

индивидуальных качеств талантливых и просто способных исследователей. И в этом сложном коллективе личность Елизаветы Владимировны оказалась крайне необходимой для поддержания нормального рабочего климата. Её огромный авторитет, спокойная рассудительность и категорическое неприятие в качестве общения каких-то сплетен или слухов были здесь как нельзя более кстати. Позволю привести несколько примеров.

Так, из одной своей экспедиционной поездки на Дальний Восток я привёз кроме добытых экземпляров птиц несколько гнёзд разных видов воробьиных. Но в определении видовой принадлежности я сделал ошибку, приписав гнездо одного вида совершенно другому. Одна из коллег, обнаружив это, резко обвинила меня в незнании не только этих видов, но и орнитологии вообще. Да, ошибка была, хоть и в определении гнезда, что тоже очень плохо, но случаются ошибки и покруче.

Буквально через неделю, разбирая в коллекции материалы по каменному глухарю, я наткнулся на тушки двух птенцов, надевающих первый взрослый наряд и этикетированных как птенцы каменного глухаря тем орнитологом, который их добыл и препарировал. Меня удивило, что эти экземпляры были добыты в местах, совершенно типичных для тетерева, но не для глухаря — в пойме реки Зея, где господствует густая травянистая и кустарниковая растительность. Самки глухарей с выводками держатся гораздо выше в типичной тайге по окружающим склонам гор. И действительно, при изучении этих экземпляров я сразу обнаружил, что это не глухари, а подрастающие птенцы полевого тетерева. Яркие видовые признаки в окраске перьев, и прежде всего перьев крыла, исключали любую ошибку в определении, но, тем не менее, она была сделана именно моей коллегой, только что громко обвинявшей меня в орнитологической неграмотности.

Конечно же, я был рад восстановить свою репутацию как специалиста, указав при этом, что ошибаться может каждый. Показав эти экземпляры своему шефу Л. А. Портенко, я спросил, как мне поступить в такой ситуации. Он, взглянув на эту парочку экземпляров, весьма удивился и, поздравив меня с находкой такого факта, сказал, что я могу считать себя вполне реабилитированным в глазах коллег. Но когда я спросил его, как же мне далее поступить, он посоветовал обратиться к Елизавете Владимировне, сказав, что в таких ситуациях лучшего арбитра не найти.

Я так и поступил. Уже знавшая об обвинениях в мой адрес Елизавета Владимировна, внимательно осмотрев экземпляры, сказала, что я сам могу выбрать способ для своей реабилитации, но на моём месте она поступила бы так: «Я бы подошла к ней и, показав эти экземпляры, сказала бы, что я вот обнаружила ошибку в вашем определении и прошу вас — исправьте её на этих этикетках вашей рукой!». Для меня это был хороший урок истинной научной этики.

Заведовавший тогда Отделением орнитологии А. И. Иванов также весьма нетерпимо относился к интриганству любого рода. Приведу ещё некоторые примеры. Минимум дважды высказывания Елизаветы Владимировны прерывали действия по моей дискредитации со стороны некоторых коллег. В одном случае речь шла о публикации моей статьи, посвящённой результатам моих экспедиционных исследований в северной Монголии в составе зоологического отряда нашего института. В статье были изложены как полевые наблюдения, так и результаты обработки собранной коллекции птиц, и готовилась она для публикации в сборнике, издаваемом в институте. Представившиеся туда рукописи нуждались в отзывах компетентных коллег и в общем заключении лаборатории.

Так уж случилось, что когда моя статья стала предметом обсуждения (куда я приглашён не был), я мог судить о нём, проходя случайно мимо кабинета, где оно происходило. Я ясно слышал, как Елизавета Владимировна громко (как всегда) отвечала тому, кто вёл заседание, достаточно раздражённым голосом: «Ну что вы от меня хотите? Статья как статья!». А ведь большая часть маршрута экспедиции проходила по местам, где почти полвека назад собирала материалы и сама Елизавета Владимировна. И я старался собрать в этих местах как можно больше коллекционных материалов, с которыми её сразу же ознакомил. В суждениях об этой статье Елизавета Владимировна выступала как главный арбитр, и статья была опубликована незамедлительно.

И ещё один пример. Однажды я стал очевидцем критики, которую К.А. Юдин навёл на работу одного известного автора, и критики небезосновательной. В этой беседе принимали участие все сотрудники Отделения. К.А. Юдин, закончив своё высказывание, с энтузиазмом воскликнул: «Бить за это надо! Бить!», что вызвало одобрительную реакцию собравшихся, и только Е.В. Козлова без особого энтузиазма добавила: «Бить-то бить, но не до смерти же...»

В другом случае, на предзащите моей кандидатской диссертации, Елизавета Владимировна, высказывая своё положительное мнение о работе и отвечая на некоторые обвинения в мой адрес, убедительно показала их полную несурзность. В результате защита прошла успешно, голосование было единогласным. Иными словами, само присутствие Елизаветы Владимировны всегда и бесспорно было большим стабилизирующим фактором в коллективе, проявлявшем временами склонность к развитию напряжённости во внутренних отношениях.

После успешной защиты моей диссертации тогдашний директор Зоологического института АН СССР академик Б.Е. Быховский¹⁸ специально извинился за то, что по уставу, как было положено, они не могут принять меня сотрудником в Отделение орнитологии, поскольку в таком случае они должны будут уволить старого П.В. Серебровского, а я не пострадаю, если получу место в другом подразделении нашего института — на биостанции «Рыбачий», находящейся на Куршской косе Балтийского моря, бывшей знаменитой немецкой орнитологической станции «Росситен»¹⁹.

Вынужденный согласиться, я пришёл расстроенный к Елизавете Владимировне, но она посмеялась над моими горестями, сказав, что у меня ещё всё впереди и что у неё тоже был сходный момент, когда вместо столь дорогой ей Центральной Азии ей пришлось ехать в Азербайджан, на побережье Каспия, для изучения огромных зимовок водоплавающих птиц. И это не помешало ей потом вернуться к центральноазиатским исследованиям! Вот и мне тоже не мешает вникнуть в изучение птичьих миграций, а мой главный интерес от меня не уйдёт. Для меня тогда её слова явились мощной психологической поддержкой.

Как и предсказывала Елизавета Владимировна, моё пребывание на станции кольцевания птиц ЗИН АН СССР в Рыбачьем принесло мне много пользы. Там под руководством блестящего орнитолога-исследователя В.Р. Дольника²⁰ в то время разрабатыва-

¹⁸ Академик Борис Евсеевич Быховский (1908–1974) — зоолог, директор ЗИН РАН (1962–1974). Основные труды по филогении и систематике паразитических червей.

¹⁹ Росситен — знаменитая немецкая станция по кольцеванию птиц на Балтийском побережье. После Великой Отечественной войны станция была заново организована Зоологическим институтом в посёлке Рыбачий (1956) и с тех пор успешно работает. Её сотрудники ежегодно кольцуют десятки тысяч пролётных птиц.

²⁰ Профессор Виктор Рафаэлевич Дольник (1938–2013) — орнитолог, директор Орнитологической станции «Рыбачий» (1967–1989).

лись методики по изучению всех аспектов физиологии птиц, связанных с миграциями. В этих работах я принял живейшее участие, но в душе по-прежнему слышал глухой зов к работам фаунистического характера. И тут мне опять улыбнулась судьба.

Она явилась в лице Д.В. Наумова²¹, гидробиолога, прекрасного специалиста по фауне морских беспозвоночных (в частности кораллов), заведовавшего тогда знаменитым Зоологическим музеем нашего института и приехавшего с рабочим визитом на биостанцию. После нескольких дружеских бесед со мной (он уже хорошо знал о моих работах на Памире) и поняв мое душевное состояние, Д.В. Наумов предложил мне место сотрудника в музее. Конечно же, я принял это предложение и уже с осени стал постоянным сотрудником музея, в коем качестве и пребываю до сих пор. Я снова получил полную возможность работать и в Отделении орнитологии с его коллекциями, и в великолепной библиотеке нашего института и т.д. Я тут же поделился своей радостью с Елизаветой Владимировной, получив от неё дружеский ответ: «Ну, я же вам говорила!».

О высоком международном авторитете Елизаветы Владимировны я мог неоднократно судить, наблюдая за её встречами с крупнейшими зарубежными орнитологами. Я был неоднократным свидетелем её длительных бесед со многими корифеями орнитологии международного уровня, посещавшими время от времени наш институт, особенно после начала «разрядки», такими как Эрвин Штрёземанн²² и Эрнст Майр²³, а также Чарльз Вори²⁴ и ряд других зарубежных орнитологов. Буквально с каждым из них у Елизаветы Владимировны всегда проходили обстоятельные беседы. Как «интеллигент старых кровей», она прекрасно владела несколькими иностранными языками, в частности английским и немецким. Я хорошо помню, какие долгие беседы она вела с ними, поскольку находился в том же обширном помещении — коллекционном хранилище, где занимался своей текущей работой (изучением и обработкой обширных коллекционных материалов).

Особенно мне запомнился случай, когда Эрнст Майр, проходя между стеллажами с коллекционными ящиками и коробками, остановился рядом со мной, где я рассматривал на коллекционных ящиках серию тетеревов, поинтересовавшись, что конкретно я делаю. Воспользовавшись такой возможностью, я стал объяснять смысл своих занятий, заключающихся в дальнейшем подтверждении своего постулата о том, что все морфологические особенности, чётко отличающие тетеревиных птиц от фазановых, имеют исключительно функциональное значение для переживания зимы на месте, без обычных для большинства птиц миграций в тёплые края. Э. Майр, с большим вниманием выслушав мои объяснения, изложенные на не совсем совершенном английском, очень заинтересовался и посоветовал мне поскорее опубликовать столь важные выводы.

Но далеко не со всеми Елизавета Владимировна беседовала столь доброжелательно. Я хорошо помню, какой холодный приём встретил у неё приезжавший с коротким визитом американский орнитолог Чарльз Вори, только что издавший свою книгу «Тибет и его птицы» (“Tibet and its Birds”, 1972). Эту книгу он и показывал Козловой. Елизавета Владимировна, внимательно её полистав, стала задавать автору такие вопросы, касавшиеся истории изучения фауны Тибета, его географии, климата, растительности, на которые он просто не знал, что ответить. Оказалось, что все его исследования

²¹ Донат Владимирович Наумов (1921–1984) — гидробиолог, директор Зоологического музея ЗИН (1964–1984), автор научных и научно-популярных книг («Мир океана» и др.).

²² Эрвин Штрёземанн (Erwin Stresemann, 1889–1972) — немецкий орнитолог.

²³ Эрнст Майр (Ernst Mayr, 1904–2005) — американский орнитолог и эволюционист.

²⁴ Чарльз Вори (Charles Vaurie, 1906–1975) — американский орнитолог.

проводились в юго-восточном преддверии Тибета, в Каме, который как раз был прекрасно исследован экспедицией П. К. Козлова, а все знания Ч. Вори базировались только на собраниях немецкого орнитолога-любителя Э. Шеффера²⁵, собиравшего там коллекции птиц в 1930-х гг. Эту беседу Ч. Вори вынужден был прервать, чтобы дальше не позориться, и ретироваться с извинениями, что он спешит на важное мероприятие.

Мои экспедиционные поездки на Памир во время обучения в аспирантуре (летние сезоны 1957, 1958 и 1959 гг.) проходили весьма удачно, и я постоянно держал Елизавету Владимировну в курсе своих достижений, прежде всего знакомил её с теми коллекциями птиц, которые удавалось собрать, тем более что она сама очень этим интересовалась. Всё это протекало в ритме обычной камеральной работы. И потому сильнее памятливы мне особые случаи, резко выпадавшие из ежедневной рутины. Так, когда мне удалось поработать в гнездовой колонии индийских гусей на маленьких островках высокогорного озера Каракуль (4100 м над уровнем моря), я забрал с собой четырёх пуховых птенцов, чтобы более детально изучить темпы развития их оперения, ведь особой трудности это не представляло. Гусята почти мгновенно привыкли к новым «родителям», питались уже с самого рождения самостоятельно, а внимательный уход со стороны человека позволял им беспрепятственно расти по своей генетической программе. Все заботы по их содержанию сразу взяла на себя моя супруга, Лариса Михайловна, сопровождавшая меня в этой экспедиции на Памир.

В результате гусята не только вполне нормально росли и развивались, но уже в полугорамесечном возрасте вынесли довольно тяжёлый для них, в маленьких клетках и темноте товарного вагона, переезд в Ленинград, прежде чем оказаться на сравнительно воле на нашей пригородной даче. К этому времени они уже надели полностью взрослое оперение, но оставались совершенно ручными. С наступлением зимы мои коллеги в зоопарке с удовольствием приняли весь выводок уже почти взрослых индийских гусей — таких обитателей у них ещё не было! Перед поселением их в зоопарк я решил показать одного из гусей своим коллегам в ЗИНе. Но наш приличный, хорошо воспитанный гусь несколько оскандалился.

Выпущенный из мешка, в котором он был доставлен в храм науки, гусь сразу же обронил «визитку» на сверкающий чистотой пол и затем раза два гагакнул изо всех сил! Звук этот, вполне уместный среди диких гор, грохнул в тиши академических кабинетов словно гром. Сразу же со всех сторон сбежались любопытные. А наш гусь важно расхаживал среди почтенных деятелей науки и только иногда, гнусаво гукая, давал знать, что ему не мешало бы и поесть. Причём он тут же подошёл именно к Елизавете Владимировне, которая с неподдельным восхищением взяла его на руки и стала нежно гладить. Как она потом сказала мне, ей, не раз наблюдавшей этих гусей в дикой обстановке монгольских гор, и в голову не приходило, что когда-нибудь она вот так запросто будет гладить эту вольную горную птицу у себя в кабинете! Неоднократно после этого Елизавета Владимировна осведомлялась о моих питомцах и, узнавая, что все они живут хорошо и чувствуют себя прекрасно, обращала моё внимание на такую способность птичьих организмов — родившись на огромных высотах, впоследствии благополучно существовать прямо на уровне моря.

Ещё я считаю долгом поведать читателям об удивительном и неизвестном событии, рассказанном мне одним из свидетелей происшествия, о котором пойдёт речь, —

²⁵ Эрнст Шефер (Ernst Schafer, 1910–1992) — немецкий орнитолог, ученик Э. Штреземанна, организатор нескольких экспедиций в Тибет в 1930-е гг., в том числе под эгидой СС.

моим руководителем Л. А. Портенко. В одной из кризисных ситуаций — во время первого погрома Академии наук СССР (1929–1937), когда были арестованы и заключены в тюрьмы и лагеря многие выдающиеся деятели науки (А. А. Бялыницкий-Бируля²⁶, Б. К. Штегман и ряд других учёных), когда скончался при странных обстоятельствах на курорте Минеральные Воды П. П. Сушкин (1928), а также супруг Елизаветы Владимировны, П. К. Козлов, тоже на курорте (1935!), сотрудники Отделения орнитологии, видя вокруг доносы и аресты, не могли оставаться спокойными за свою судьбу. Казалось, что какие-то провокаторы пытаются вообще покончить с сотрудниками столь славного бывшего Императорского музея. Опасность, как решили, составляло и оружие. Великолепные ружья, хранившиеся в Отделении орнитологии и служившие в своё время и самому Н. М. Пржевальскому, и П. К. Козлову, и другим сотрудникам, стали бы уликой при любом обыске по подсказке провокаторов. Об этом мне очень скупно и в общих «нейтральных» чертах рассказал Л. А. Портенко.

И они решили всё это оружие на всякий случай утопить. Ружей было несколько, и задачу по их уничтожению решили поручить именно Е. В. Козловой. Оружие завернули в мешковину и попросили Елизавету Владимировну выбросить этот куль в Неву с Дворцового моста под покровом ночи, полагая, что женщина с большим свёртком не вызовет подозрений, какие мог бы вызвать идущий с таким свёртком мужчина. (Дворцовый мост на правом берегу упирается прямо в двери Зоологического института.) Это и было героически выполнено Е. В. Козловой в один из тёмных, дождливых октябрьских вечеров! Я постеснялся лично расспрашивать Елизавету Владимировну о таких вещах, но у меня нет никаких оснований не доверять рассказу Л. А. Портенко, который не был склонен к сочинительствам.

Возвращаясь к научной работе, должен сказать, что меня, как и остальных, всегда поражали многосторонний талант Елизаветы Владимировны как орнитолога и её исключительная работоспособность. Когда я поступал в аспирантуру, она была занята окончанием крупного исследования по систематике и биологии обширного отряда ржанкообразных птиц (куликов, чаек и чистиковых). Результаты были опубликованы в 1957 г. в капитальной сводке, вышедшей в главном серийном издании Зоологического института АН СССР «Фауна СССР и прилежащих стран».

В то же время Елизавета Владимировна вела интенсивную работу над монографией «Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии». По своей сути эта работа являлась продолжением её первого капитального труда по птицам Центральной Азии «Авифауна Тибетского Нагорья, её родственные связи и история», опубликованного в 1952 г. и сразу же принёсшего Козловой широкую международную известность. Мною ранее уже был подробно охарактеризован огромный вклад Елизаветы Владимировны в развитие мировой орнитологии, и прежде всего в изучение фауны птиц Центральной Азии (Потапов, 2007). Последняя её работа по орнитофауне степей и пустынь велась очень скрупулёзно и была закончена только в 1975 г. Это объясняется, в числе прочего, тем, что параллельно ею проводились и другие исследования, о чём свидетельствует целый ряд её публикаций.

²⁶ Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля (1864–1938) — зоолог широкого профиля, внёс заметный вклад в изучение млекопитающих и паукообразных (скорпионов), директор Зоологического музея в 1921–1928 гг. Его письма из Русской полярной экспедиции наш журнал опубликовал в прошлом году (А. А. Бялыницкий-Бируля... 2014).

Елизавета Владимировна успела закончить эту работу и даже сдать в печать, но до выхода публикации в свет не дожила. От её имени и на добрую память о ней эту книгу дарила коллегам подруга Е. В. Козловой — Ирина Александровна Четыркина²⁷, энтомолог Зоологического института АН СССР, жившая в последние годы вместе с ней, помогая преодолевать одиночество и болезненные недуги. Получил этот бесценный памятный подарок о Елизавете Владимировне и я, хорошо помнящий тот скорбный февральский день 1975 г. и траурную церемонию прощания с нашей знаменитой коллегой в зале заседаний Зоологического института.

Заканчивая свои воспоминания, я хотел бы ещё раз выразить глубокое восхищение тем, как Елизавета Владимировна всегда держалась в любой момент и в любом окружающем её обществе. Она неизменно излучала благожелательное спокойствие, и я не припомню случая, когда она каким-либо образом высказывала раздражение или иную негативную эмоцию. Максимально отрицательное, что она могла сказать в определённых случаях, это то, что она уже высказывалась по данному поводу и на этот счёт разговаривать больше не хочет. И ещё одна особенность, целиком связанная с самой сутью постоянного душевного настроения Елизаветы Владимировны: меня никогда не покидало впечатление, что, присутствуя вполне реально в этом мире, она в то же время была где-то очень далеко — в осмыслении ли своих исследовательских задач, а может быть, и воспоминаний.

В заключение я считаю необходимым опубликовать автобиографию, написанную Елизаветой Владимировной 5 октября 1950 г., перед её уходом на пенсию, и хранящуюся в Научном архиве нашего института (см. Приложение).

Хочу добавить, что спустя 30 лет я оказался в местах, где Елизавета Владимировна провела вместе с мужем несколько последних лет. Речь идёт о новгородской деревушке Стречно, где они переживали голодные 1920-е годы и где Елизавета Владимировна даже работала в местной школе учителем, за что имела соответствующий паёк, а кроме того, находила отраду для души, не только ведя один из младших классов, но и руководя созданным ею кружком юных натуралистов. В наших с Елизаветой Владимировной беседах она никогда не упоминала об этом периоде своей жизни (я узнал об этом от коллег и, прежде всего, из авторитетных публикаций сотрудников мемориального музея квартиры П. К. Козлова — см.: Андреев, Гнатюк, 2007). Когда мы с супругой стали часто навещать в деревню Костьково, где жили её родственники, и я узнал, что Стречно располагается совсем недалеко, мы никак не могли удержаться от того, чтобы не навестить это место.

В 2005 г. мы узнали от жителей ближайшего села Залучье, что деревни Стречно давно нет, что там, действительно, в одном из домов бывшего барина жил «какой-то новый барин», его обычно встречали на лошадях на станции Старая Русса и везли в деревню. Старички рассказывали, что барин любил охоту и охотился с каким-то необычным ружьём. Его жена работала в школе, в которую превратили этот бывший барский дом, а уезжая, «барин» (Козлов) подарил это ружьё своему егерю. Про ружьё рассказывали, что оно было ценное и пережило войну. По слухам, оно и сейчас находится в «хороших руках». Уж не то ли это знаменитое ружьё Н. М. Пржевальского английской фирмы «Перде», подаренное им перед смертью П. К. Козлову (Дубровин, 1890)?

²⁷ Ирина Александровна Четыркина (1901–1987) — энтомолог, научный сотрудник ЗИН, ближайшая подруга Е. В. Козловой, проживала вместе с ней с 1950 г. до её кончины.

Местные жители помогли нам проехать по заросшей дороге до того места, где находилась деревня Стречно. Развалины дома Козлова («господский дом») мы обнаружили уже плотно заросшими по координатам (57.65994256 N, 31.88105947 E). От дома остался лишь остаток фундамента, представленный камнями по периметру, и фундамент печки. Близ дома сохранились остатки колодца, от которого остались лишь яма и полусгнившие венцы колодезного сруба, сохранились несколько кустов акации, растущих по периметру дома. Луга на момент осмотра были не кошены уже как минимум 5 лет. В центре лугов, близ двух больших дубов, был обнаружен старый погост с полусгнившими крестами. Ни строений, ни их остатков на месте деревни обнаружено не было, а окружающие поля совершенно заросли.

Р. Л. Потапов на фундаменте дома, где жили Е. В. и П. К. Козловы, в бывшей деревне Стречно, Новгородская область, 13 августа 2006 г.
Фото Е. Р. Потапова

Я сидел на развалинах, оставшихся от печки дома Козловых, горестно представляя себе, что ещё каких-то 50–70 лет назад эти места были густо заселены исключительно активным сельским населением, и думал — как хорошо, что этот замечательный человек, истинный труженик Елизавета Владимировна не дожила до того времени, когда мне пришлось бы поведать ей о том, что случилось с её любимой деревушкой. Да, природа быстро затягивает следы деятельности людей, но тем отраднее видеть, что людская память долго хранит многое из далёкого прошлого, хотя люди в таких воспоминаниях оказываются подчас обезличенными.

Приложение. Автобиография Е. В. Козловой (1950)²⁸

Родилась в 1892 г. в Красном Селе Ленинградской области. Отец был врачом, заведовал госпиталем в Красном Селе и там же работал в земстве. После Октябрьской революции, с 1917 г. по 1922 г., был врачом на заводе им. Ленина за Невской Заставой. Мама в молодости была фельдшерницей, а после замужества — домашней хозяйкой.

Среднюю школу — частную гимназию Оболенской — окончила в 1910 г. В том же году поступила в Женский педагогический институт. В 1912 г. вышла замуж за исследователя Центральной Азии П. К. Козлова, и по окончании 3-го курса Педагогического института оставила занятия в нем, которые совершенно меня не удовлетворяли.

Осенью 1913 г. уехала с мужем на несколько месяцев на озеро Иссык-Куль в Тянь-Шане, где вела орнитологические сборы и наблюдения. В 1913–1924 гг. занималась дома орнитологией, готовясь принять участие в экспедиции Географического общества в Тибет, которая должна была выступить осенью 1914 г., но была отменена после начала войны с Германией.

В 1916 г. муж получил назначение начальника экспедиции по закупке скота для нужд действующих армий. Центр работы находился в Иркутске, где мы с мужем прожили 1916 и часть 1917 года. В 1917 г., закончив работу, вернулись в Ленинград. По возвращении я занималась домашним хозяйством и много работала по переводам иностранной литературы по Ц. Азии, которая была необходима для мужа. 1918–1919 гг. провела частично в зоопарке «Аскания-Нова», так как муж был назначен комиссаром по охране этого зоопарка, и занималась наблюдениями над жизнью и поведением птиц в условиях неволи. В 1919 г., вернувшись с мужем в Ленинград, занималась домашним хозяйством. В конце 1921 г. пошатнулось здоровье моего отца (мои родители жили в Ленинграде вместе со мною), ему стало трудно работать на заводе, куда надо было ходить пешком. Муж между тем уже тогда планировал новую трехлетнюю экспедицию в Монголию и Тибет, в которой должна была участвовать и я. Моим престарелым родителям предстояло таким образом остаться одним в Ленинграде. Мы с мужем не могли обеспечить их существование в Ленинграде во время нашего длительного отсутствия. Поэтому мои родители решили просить разрешения на выезд в Харбин, к моему брату и их сыну В. В. Пушкареву, работавшему членом правления Китайской Восточной железной дороги (брат выехал в Китай до Октябрьской революции). Это разрешение было получено, и родители уехали в 1922 г. в Харбин, где жили на иждивении сына. Отец мой вскоре заболел и слег в паралич, а в 1924 г. скончался там же, в Харбине.

В 1922 г. мы с мужем стали готовиться к экспедиции в Центральную Азию. Я приватно занималась в Зоологическом музее Академии наук систематикой птиц. В начале 1923 г. моими занятиями стал руководить академик П. П. Сушкин, заведовавший тогда орнитологическим отделом Музея.

В 1923 г. осенью мы с мужем выехали в Монгольскую экспедицию, снаряженную Государственным географическим обществом, на средства, специально для нее отпущенные Совнаркомом Союза. Я была включена в состав экспедиции, в которой проработала на должности старшего помощника начальника экспедиции три с половиной года, занимаясь главным образом сборами зоологических коллекций, собранных экспедицией. Результатом этой обработки явился труд «Птицы юго-западного Забайкалья, северной Монголии и Центральной Гоби», законченный в 1928 г. (24 печ. л.). Государственное Географическое общество присудило мне за работы в Монголии серебряную медаль общества.

В 1926 г. состоялась передача Китайской Восточной железной дороги Советскому Союзу. В длительных переговорах по передаче принимал живейшее участие мой брат В. В. Пушкарев, как один из влиятельных членов правления, и приложил все усилия к скорейшему и благополучному разрешению всех связанных с передачей вопросов. После состоявшейся передачи дороги

брат тотчас был принят на Советскую службу на той же дороге, но в конце 1926 г. скончался там же, в Харбине. Моя мама, похоронив сына, выехала из Харбина в Ленинград, где с 1926 г. жила со мною до своей смерти (в 1941 г.), получая пенсию за 35-летнюю службу моего отца.

В феврале 1929 г. я была зачислена научным сотрудником в комиссию АН СССР по изучению Монгольской Народной Республики, а в марте 1929 г. назначена начальником зоологического отряда Монгольской экспедиции АН СССР для орнитологических исследований в альпийской зоне Хангая. Отчетом о проделанной работе явился труд «Птицы высокогорного Хангая» (6 печ. л.) и еще нескольких мелких статей.

В 1931 г. снова была командирована в МНР, в качестве начальника зоологического отряда Монгольской экспедиции Академии наук, для исследования восточного Кентея на истоках р. Керулен. По окончании экспедиции написала работу «Птицы и промысловые млекопитающие восточного Кентея» (3 печ. л.). По предложению Британского орнитологического общества дала сводку по орнитофауне Монголии, опубликованную в орнитологическом журнале «Айбис» в 1932 и 1933 гг.

В 1931 г. была зачислена на должность младшего научн. сотр. в ЗИН АН, а в январе 1933 г. переведена на должность старшего научн[ого] сотр[удника]. В 1934 г. была командирована, по просьбе филиала Академии наук в Азербайджане, для исследования зимовок птиц на юго-западе побережья Каспийского моря, в результате чего была опубликована работа «Зимовки птиц в Талыше». За эту работу в сентябре 1934 г. была присвоена степень кандидата биологических наук без защиты диссертации.

В 1935 г. скончался мой муж П. К. Козлов. После его смерти Правительство назначило мне, за научные заслуги мужа, персональную пенсию. В том же году я передала от имени П. К. Козлова в дар Государственному Эрмитажу обширные личные коллекции мужа, заключающие уникальные предметы высокой художественной ценности китайской, монгольской и тибетской работы, за что получила телеграфную благодарность от Совнаркома Союза, с выражением соболезнования по поводу смерти мужа, за подписью председателя Совнаркома В. М. Молотова. В 1936 и 1937 гг. я продолжала камеральные работы в Зоологическом институте и полевые исследования в Азербайджане, по зимовкам птиц, и опубликовала вторую работу по зимовкам: «Жизнь птиц на зимовке в заповеднике имени С. М. Кирова». Камеральные работы заключались в монографическом изучении отдельных отрядов птиц для издания Академии наук по фауне СССР, определителей птиц и в разработке некоторых вопросов по проблемам вида.

В 1941–1942 гг., во время блокады Ленинграда, принимала посильное участие в обороне здания Зоологического института и в сохранении его ценных коллекций, а летом 1942 г. была эвакуирована вместе со всеми сотрудниками Института в Сталинабад. В Таджикистане с 1943 по 1945 г. я вела полевые исследования по экологии фазана в долине р. Вахш и по изучению вертикальных кочевков оседлых птиц Гиссарского хребта. В 1945 г. вернулась вместе со всем Институтом в Ленинград.

Во время последних экспедиций в Таджикистане повредила ногу и после 1945 г. уже не в состоянии была вести полевые исследования.

С 1945 по 1950 г. вела монографическую обработку сем. Вьюрковых для издания «Большая фауна СССР» (прилож. к печати). Для издания «Малая фауна СССР» приготовила и сдала в печать: «1. Общий очерк класса птиц»; 2. Отряд гагарообразные; 3. Отряд трубконосые; 4. Отряд журавлеобразные, а также 5. отряд гусеобразные (совместно с А. Я. Тугариновым). Наряду с этим разрабатывала тему «Орнитофауна Тибетского нагорья, ее генезис и история», в результате чего опубликовала статью «К филогении тибетской саджи» (1946), сдала в печать работу «Филогенетические отношения земляных и горных вьюрков рода *Montifringilla*» и приготовила к печати работу: «Орнитофауна Тибетского нагорья, ее родственные связи и история» (35 п. л.).

²⁸ Научный архив ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 114. Л. 7–9.

Как видно из моей автобиографии, все мои близкие родственники умерли до Отечественной войны. Ни я, ни кто-либо из моих близких родственников никогда не привлекались к суду и следствию, не находились на временно оккупированной территории во время Отечественной войны, а также не были в плену.

8 октября 1950 г.

Ст[арший] научн[ый] сотр[удник] ЗИН АН Е. Козлова-Пушкарёва

Литература

- А. А. Бялыницкий-Бируля: письма из Русской полярной экспедиции / Подг. к печ. и коммент. Н. Г. Суховой // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 1. С. 84–97.
- Андреев А. И., Гнатюк Т. Ю. Е. В. Козлова — путешественница, исследовательница авифауны Центральной Азии. Биографический очерк // Среди людей и птиц: орнитолог и путешественница Е. В. Козлова (1892–1975): СПб.: Нестор-История, 2007. С. 5–31.
- Дубровин И. Ф. Николай Михайлович Пржевальский. СПб.: Военная тип., 1890. 602 с.
- Козлова Е. В. Авифауна Тибетского Нагорья, ее родственные связи и история // Труды Зоологического института АН СССР. М.; Л., 1952. Т. 9. Вып. 4. С. 964–1028.
- Потапов Р. Л. Неведомый Памир. М.: Мысль, 1970. 190 с.
- Потапов Р. Л. Роль Е. В. Козловой в изучении фауны птиц Центральной Азии // Среди людей и птиц: орнитолог и путешественница Е. В. Козлова (1892–1975). СПб.: Нестор-История, 2007. С. 32–50.
- Пржевальский Н. М. Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки Н. М. Пржевальского. СПб.: РГО, 1883. С. 138–141.
- Vaurie Ch. Tibet and its Birds. New York: Beekman, 1972. 407 p.

My Memories (about an Ornithologist Elizaveta Kozlova and Others)

ROALD L. POTAPOV

Zoological Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; roald.potapov@gmail.com

The paper contains the author's memories about the world-renowned ornithologist Elizaveta Kozlova, beginning with their first meeting in 1949 (when the author was a schoolboy) to when they both were working at the Department of Ornithology, Zoological Institute, USSR Academy of Sciences (1958–1975). The paper describes Kozlova's creative work, her stabilizing role in the daily life of the Department, her contacts with leading ornithologists at the time (Ernst Mayr, Erwin Stresemann, Charles Vaurie), and memories about her colleagues, in particular Professor L. A. Portenko. The paper sums up Kozlova's considerable contribution to the studies of ornithofauna of the Central Asia.

Keywords: Memoirs, Department of Ornithology, Zoological Institute of the USSR Academy of Sciences, Elizaveta Kozlova, Ernst Mayr, Erwin Stresemann, Charles Vaurie, Petr Sushkin, Petr Kozlov, Central Asia, ornithology.

AD MEMORIAM

Выдающийся эмбриолог-эволюционист (памяти О. М. Ивановой-Казас)

А. К. ДОНДУА

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
akdongua@mail.ru

17 января 2015 г. на 102-м году жизни скончалась Ольга Михайловна Иванова-Казас, выдающийся исследователь сравнительной и эволюционной эмбриологии животных. О. М. родилась 28 декабря 1913 г. в Санкт-Петербурге в семье Александры Александровны Ряшенцевой и Михаила Ильича Казаса, военного врача, который в это время повышал квалификацию в Военно-медицинской академии. Детские годы О. М. прошли в переездах. Сначала Евпатория, затем, после революции, Кронштадт, Ораниенбаум и снова Крым. В 1930 г. О. М. окончила среднюю школу № 2 в Евпатории (бывшая женская гимназия Рушинской) и, намереваясь поступить в университет, переехала в Ленинград. Поступление в Ленинградский государственный университет состоялось в 1931 г., так как, чтобы получить право поступления, О. М. пришлось пройти «трудовое перевоспитание». О. М. вспоминала:

В Ленинграде меня ждало разочарование — меня не приняли. Надо сказать, что тогда для поступления в вуз не надо было сдавать никаких экзаменов (вступительные экзамены снова ввели только через 2 года), а важно было иметь пролетарское или крестьянское происхождение. Детей служащих принимали очень неохотно, а мое положение ухудшалось еще из-за того, что в метрике было сказано, что мой отец дворянин и как военный врач в 1913 г. уже находился в довольно высоком чине. Стало ясно, что для поступления в университет мне нужно «повариться в пролетарском котле» и заработать рабочий стаж¹.

Так О. М. неожиданно для себя стала осваивать переплетное дело в Ленинградской полиграфической школе фабрично-заводского ученичества. После фабзавуча О. М. в 1931 г. была принята в Ленинградский государственный университет на только что созданный (1930) биологический факультет (Дейнека, 1935). С первых дней пребывания в Университете О. М. попала на кафедру зоологии беспозвоночных, которую

¹ Воспоминания. Рукопись из личного архива О. М. Ивановой-Казас.